В человеческих джунглях

Автор:
Дей Кин

В человеческих джунглях

Дей Кин

Дей Кин – известный американский писатель, яркий представитель детективного жанра. Его произведения выходили в таких популярных американских изданиях, как `Черная маска`, «Детективные истории».

Дей Кин

В человеческих джунглях

Глава 1

В низинах дельты Луизианы стояла удушающая жара, неподвижная и влажная. В необозримом зеленом пространстве слышно было только урчание моторов, мчавшихся с наибольшей возможной скоростью, да скрежет механизмов, работающих у нефтяных скважин. Неожиданно раздались два выстрела… Они были произведены из плантации тростника частного владения Лакосты. Пуля пролетела, не причинив никакого вреда, сквозь опущенные стекла в дверцах машины.

На руках Хенни звякнули наручники, когда он беспокойно задвигался на своем месте.

– Господи Иисусе, – прошептал молодой негр.

Латур остановил машину и вынул свой револьвер. Ни малейшей цели на горизонте. Ничего, кроме тростника, зеленого и совершенно неподвижного, и шести или семи метров черной болотной воды между магистралью и его зарослями.

Больше выстрелов не последовало. Невидимый стрелок боялся стрелять, чтобы не выдать своего местоположения. Да, была большая разница, стрелять ли по проезжающей мимо машине или в человека, бывшего настороже и имеющего в руке револьвер, с которым он обращался мастерски.

Хенни немного пришел в себя.

– Пуля пролетела очень близко, – заметил он.

Взгляд Латура перешел с его пленника на трещину в стекле.

– Немного слишком близко, – сухим тоном возразил он.

Латур был высоким темноволосым мужчиной, лет тридцати, французского происхождения. Ему казалось, что он сидит в луже пота. Капли пота стекали на его подбородок и падали на руль. Его машина, его белый полотняный костюм, весь помятый, его пленник – все это распространяло неприятный запах тайной, обнаруженной им, перегонки спиртного. Тени от предметов на земле удлинялись. Наступала ночь.

Латур колебался, стоит ли ему перейти через эту черную воду между дорогой и плантацией тростника, и решил, что это будет глупо с его стороны. Невидимый стрелок держит его под прицелом, и в третий раз он не промахнется. Латур глубоко вздохнул. Это было уже в третий раз за пятнадцать дней. И никому не приятно знать, что кто-то жаждет его убить. Хенни спросил его:

– Что вы собираетесь делать?

Латур пожал плечами.

– Я ничего не могу сделать.

Не спуская глаз с зарослей тростника, он стал шарить ногой по резиновому коврику и в конце концов обнаружил деформированную пулю, которая разбилась о стекло. Металл был теплым. Обе пули были выпущены из карабинов калибра 30. А в Френч Байу эти пушки были столь же распространены, как нефтяные скважины. На каждой плантации была по меньшей мере одна, а также в хижинах фермеров. С полузакрытыми глазами Латур уронил маленький кусочек свинца в карманчик своей рубашки, на которой был прикреплен значок помощника шерифа, и немедленно направил машину снова в сторону Френч Байу. Он не переставал следить в зеркальце за тростниковыми зарослями, пока поворот дороги не заставил потерять их из виду.

Рядом с ним молодой негр прочистил горло.

– Это, должно быть, кто-то, кто вас не очень любит.

– Похоже на то, – согласился Латур.

Хенни продолжал:

– Я лично буду вас очень любить. Даже до такой степени, что предложу вам пятьдесят долларов, чтобы вы зачеркнули мое дело и дали возможность убежать.

Латуру было жарко. Он очень устал и был обеспокоен.

– Нет, – сказал он. – Это мое последнее слово.

Негр был огорчен.

– Шериф Велич и мастер Мулен воспринимают это не так. Они всегда готовы урегулировать дело, они…

– Тогда устраивай свои дела с шерифом или с первым помощником.

Они уже миновали заросли тростника и болото, и Латур мог вдыхать свежий воздух с мексиканского берега и горьковатый запах тины. Было уже совершенно темно: можно было подумать, что на землю накинули черное покрывало, жаркое и влажное. Но тут же засверкали огни мотелей и кемпингов для туристов, оповещающие о том, что они въехали на территорию города. Латур замедлил ход, чтобы не превышать установленную скорость, поэтому ему пришлось остановиться, чтобы пропустить огромные грузовики, наполненные трубами, строевым лесом и другими материалами, нужными для строительства нового порта.

Даже сегодня, два года спустя после возвращения, Латур с трудом узнавал знакомый с детства пейзаж и вспоминал Френч Байу, каким он был когда-то.

Несколько величественных плантаций на берегу, поместий плантаторов, длинный ряд рыбацких хижин и охотничьих домиков на сваях вдоль бухты, темная полоса леса, рыбный базар, кафе Джо Португальца, заправочная станция старого Мариньи и коробка Марии Салоп, которая предлагала, кроме обычных развлечений, еще и удовольствия более интимные.

Когда он был еще ребенком и даже уже молодым человеком, жителям Френч Байу чтобы что-то купить приходилось проделывать долгий путь до Нового Орлеана, но обнаружение нефти, даже только вдоль берега, все изменило. Теперь Френч Байу стал настоящим городом. Новые конструкции, принадлежащие нефтяной компании и отдельным предпринимателям, простирались на километры. Старый магазин казался маленькой лавочкой посреди трех дюжин больших магазинов, торгующих всем, начиная от цыплят и кончая телевизорами с большими экранами.

Джо пришлось увеличить свое заведение и приобрести солидную лицензию, чтобы оградить себя от конкуренции новых баров и ночных коробок. Одна организация из Нового Орлеана, которая раньше совсем не интересовалась заправочными пунктами, приобрела помещение старого Мариньи. Что касается Марии Салоп, она умерла, покинутая своими клиентами, которые перешли к ее более молодым коллегам и которые заставляли платить им дороже.

При зеленом свете Латур продолжал свой путь. На улице Лафит, сильно освещенной разноцветными огнями вывесок, шум кабаков был оглушителен. Рабочие нефтяных промыслов после окончания рабочего дня, рыбаки-спортсмены и морские рыбаки собирались толпами и переходили из бара в бар,

из кафе в кафе, в то время как женская часть населения, разодетая, надушенная, в легких открытых платьях, переходила от группы к группе, позволяя угостить себя стаканом вина или чем-нибудь другим. Так не может продолжаться долго. Рано или поздно, но просьбы благоразумных элементов города, авторитет Штата должны будут взять верх. И тогда полетят головы!

Латур проехал по улице Лафит, поставил свою машину в оазисе темноты и тишины, которые царили на небольшой площади у старого строения, служащего одновременно ратушей, казармой для пожарников и тюрьмой.

– Мне отвратительно идти в тюрьму, – проговорил Хенни.

– Не нужно было заниматься продажей самогона, – сказал Латур.

– Но ведь все это делают здесь!

Латур хотел ответить ему, но не нашел, что сказать. Он никогда не чувствовал себя таким униженным, даже когда вернулся из Кореи. Он чувствовал себя как бы вырванным из родной земли, как будто он ошибся городом, как будто все окружающее было не настоящим.

Оттуда, где он стоял, перед большой двустворчатой дверью тюрьмы, до него донеслись запахи нефти, тины, сырой земли, пота, кислоты и дешевых духов. Беспрерывный гул оркестров и гул от криков и смеха мужских и женских голосов смешался с ревом сирен буксиров, тянувших барки с трубами, досками, взрывчаткой и ритмичным шумом механизмов бурения, работающих на берегу.

Латур посмотрел на разбитое стекло своей машины. Теперь у него на плечах новое дело. Кто-то хотел продырявить ему кожу. Был ли это контрабандист, которого он лишил куска хлеба? Или родственник какого-нибудь типа, которого он отправил в острог Анголы? Или опять брат Ольги? Кто же это был такой?

Он провел рукой позади спинки своего сидения и достал темный и белый флаконы с контрабандным алкоголем, которые он привез как вещественное доказательство.

– Ладно, пошли, покончим с этим делом, Хенни.

– Если вы сочтете возможным, мистер Латур, не бросать меня туда внутрь, я буду вам настолько благодарен, что смог бы предложить сто долларов. Это было большим искушением для Латура. Он должен был еще заплатить за телевизор и холодильник. Нужно было сменить железные решетки на окнах и дверях. Старый дом также нуждался в окраске. Сто долларов очень бы пригодились. Тысяча долларов была бы лучше.

– Очень сожалею, Хенни, – наконец сказал он.

Молодой негр воспринял этот ответ философски.

– Вы – начальник, вам и решать.

Ратуша-казарма пожарников и арестованных была одним из самых старых строений в городе. Огромные двери были изъедены термитами. Стены, выложенные из кирпича, имели трещины и были покрыты вьющимися растениями. Внутри пахло старым деревом, мастикой для чистки полов, неисправной канализацией, дешевым табаком и разрушенными надеждами.

Первый помощник шерифа, Том Мулен, сидел за столом шерифа Велича и читал Нью-Орлеанскую газету. Он через стол посмотрел на Латура, когда тот оформлял этикетки к флаконам вещественных доказательств. – Я вижу, что ты, в конце-концов, наложил руку на Хенни.

– Да, это так, – ответил Латур.

Он записал Хенни и повел его по коридору к камере для черных, где снял с него наручники.

Хенни пытался позолотить ему лапу, и это не прошло. Молодой негр не сердился на него. Арест входил в риск его ремесла. К тому же, его проступок не подходил под федеральное обвинение. Самое худшее, что могло его ожидать, это провести несколько месяцев в этой дыре, Анголе. А потом, существовали адвокаты.

– А что вы бы сказали, если бы я попросил у вас одну-две сигареты, капитан? – спросил он.

Латур отдал ему почти полную пачку и вернулся на пост, чтобы помыться. Редкие седые волосы стали просматриваться в его шевелюре. Резче обозначились морщины. Он подумал, что это нелепо, что человек не должен губить свою жизнь из-за таких пустяков. Ну кто же мог знать, что его поместье окажется одним из тех немногих в Френч Байу, в котором не оказалось нефти. Все мечты его разбились, когда он узнал, что в двух скважинах ничего не обнаружено.

Оставив открытой железную дверь, ведущую из конторы к камерам, для лучшего проветривания, он вернулся в кабинет шерифа. Фляга переменила место и Мулен вытирал губы обшлагом рукава.

– Как это случилось, что ты зацапал Хенни? – спросил он.

– У меня был мандат на его арест.

– И у него не было фрика?

– Он предложил мне сто долларов, чтобы я закрыл глаза.

Латур начал расстегивать пояс, потом раздумал.

Первый помощник, толстый краснолицый человек, лет шестидесяти, немного удивился.

– Вот как, ты окончил дежурство, а остаешься вооруженным?

– В меня снова стреляли, – пояснил ему Латур. – Из зарослей тростника, на плантации Лакоста.

– Это риск нашей профессии, – сказал он. – Я был бы очень рад получить доллар за каждый выстрел в меня.

– Но в последнее время с тобой этого не случалось.

– Ну, нет. Не в последнее время, – признался Мулен. Он взял флягу, чтобы отхлебнуть из нее и вместо салфетки использовал тыльную сторону руки.

– Послушай, я могу тебе кое-что сказать, Энди?

– Почему бы и нет?

– Действуй немного полегче. Для нашего всеобщего блага. Старик и я, мы оба тебя очень любим. Мы трое – старые товарищи и все трое родились во Френч Байу. – Помощник шерифа был лишен чего угодно, только не практичности… – Если ты позволишь себя спустить, это будет ужасно и вынудит всех нас действовать очень серьезно. А пока во Френч Байу не кончится кризис, пока женские общества и пастор не овладеют им, я хочу иметь возможность сам решать, когда меня пора хоронить. Ты понял?

– Ты не мог бы пояснить лучше? – ответил Латур. Он подошел к двери кабинета и надел большую фетровую шляпу, которая составляла часть формы помощников шерифа. – Но в настоящий момент, если тебя это интересует, я хочу сказать тебе, что нашел дохлую крысу и две дохлые змеи в баке, в котором Хенни хранил алкоголь. И они сдохли уже давно.

Мулен в этот момент продолжал тянуть из фляги. Латур ожидал увидеть, как Мулен выплюнет выпитое виски в плевательницу, которая стояла у его ног, но Мулен проглотил виски.

– Я проглотил немало крыс за свою жизнь. Я, может быть, даже спал вместе с такими бестиями. Но я хочу сказать тебе одну хорошую вещь, Энди.

– Какую?

– Нет ничего удивительного в том, что люди стреляют в тебя. Продолжай таким же образом, и у тебя скоро не будет совсем товарищей в нашем секторе.

– Я лишь делаю свое дело.

– Не совсем… Это как раз я и хочу сказать.

Глава 2

Пройдя через холл и веранду, Латур спустился по лестнице тюрьмы. Ночь была теплой и какой-то темной, как расслабленная женщина, отдыхающая в объятиях своего любовника.

Латур пытался успокоиться, но это ему плохо удавалось. Он чувствовал себя сбившимся с пути, как будто он пересекал незнакомые джунгли, населенные знакомыми лицами, которые были почему-то ему совсем чужими, и потерял способность правильно оценивать события. «Действуй немного полегче».

Велич и Том Мулен, оба брали взятки. И также поступало большинство их помощников, его коллег. Никакой город не мог бы существовать вдалеке от закона без того, чтобы не тратились бы деньги, большие деньги. Латур подумал, не глупо ли с его стороны отказываться от денег, которые ему предлагали, пока это было еще не поздно изменить. Ему нужно было только протянуть руку. Но при этом ему фактически ничего не давало получение лишней сотни долларов за то, чтобы он закрыл глаза на действия незаконной торговлей спиртным: его жизнь с Ольгой не стала бы слаще, если бы он стал снисходительно относится к пьяницам... Существовали вещи, которые настоящий мужчина не должен был делать.

Латур посмотрел на свои часы. Было восемь часов и было слишком поздно, чтобы возвращаться домой обедать. Но это было неважно. Вот уже два года, как Ольга перестала беспокоиться о том, в котором часу он возвращается домой.

Латур вздохнул. И к тому же, существовал еще Георг!

Поставив свою машину, Латур пешком прошел по улице Лафит к Джо Банко. Когда он шагал, ему еще больше казалось, что он проходит через человеческие джунгли. На улице царил полный разгул. Каждая вторая дверь отворялась в бар, или кафе, или в ночную коробку, откуда доносились завывания саксофонов и шум ударных инструментов. Работающие в кабаках и публичных домах женщины открыто ловили своих клиентов. Маленькие курочки, с их загорелыми плечами, блестящей от переливающихся неоновых огней грудью, с вихляющими бедрами, они сновали среди толпы как хищные звери, добывающие себе добычу.

Латуру хотелось бы знать, сколько денег отложили себе на черный день шериф Велич, Том Мулен и Джек Пренгл за четыре года, в течение которых они

закрывали глаза на всевозможные бесчинства, творящиеся во Френч Байу. Как им удавалось продолжать это так долго? Все трое, особенно Велич и Мулен, должны были быть богатыми. Его губы искривились в горькой усмешке. Без сомнения, настолько богаты, насколько, по расчетам Ольги, должен стать богат и он сам.

Двое пьяных, один – рабочий нефтяной компании, другой – морской рыбак, с которым Латур учился в школе, добродушно перебранивались перед кафе Джо Банко. Латур разъединил их, и рыбак, по имени Виллер, плохо воспринял это и решил подраться с ним. Он сильно толкнул его, спихнул с тротуара и хотел прижать к стоящей там машине.

Виллер был пьян, но силен и в отличной форме, и Латуру ничего другого не оставалось, как выдать ему хороший свинг правой рукой прямо в грудь, потом короткой левой в подбородок. Но рыбак, в восторге, что у него появился новый противник, ответил ударом на удар.

Толпа, привычная к подобным зрелищам, расступилась очень быстро, и Латур почувствовал, что холодный пот потек у него с подмышек по телу. Горло у него сжалось и он с трудом мог дышать. Болела спина.

Это совсем не одно и то же, – подумал он, – получить пулю во время войны, или продырявить себе кожу ножом убийцы... Наступая на пьяного рыбака, Латур бросал вокруг себя внимательный взгляд, ища путь для отступления. Стрелок из зарослей кустарника не попал в цель, а вооруженный человек в толпе мог сделать это лучше. Посреди этого шума от оркестров, от криков толпы и шума транспорта, звук выстрела прошел бы незамеченным. Виллер решил, что с него достаточно, и опустил руку.

– Ладно, все в порядке, значит, ты сильней. Ты считаешь себя Господом Богом, не правда ли?

– Нет, – ответил Латур. – Я защищаю порядок и закон. Вот и все.

Красивая молодая проститутка, стоявшая в первом ряду толпы, сделала вид, что очень смутилась.

– Эй, девушки! Вы слышали, что сказал мистер? Нам нужно вернуть деньги нашим клиентам. Ведь он делает здесь закон!

Толпа стала смеяться вместе с ней над Латуром.

Он почувствовал, что покраснел. Это его выступление на улице в городе, где на каждом шагу открыто нарушался порядок, ставило его в смешное положение. Он никогда не корчил из себя святого. Не отказывался от игры в карты. Любил выпить, и напивался, когда предоставлялась возможность. Не отказывался переспать с девицей. Но у него было лишь одно честное слово. И для двухсот восьмидесяти долларов в месяц он это слово дал, подняв кверху правую руку и давая клятву соблюдать закон и следить за его выполнением.

– Я полагаю, что ты собираешься задержать меня, – сказал Виллер.

– Почему? Зачем мне это нужно? Ты мне совершенно не нужен. К тому же, судя по всему, ты все равно еще до завтрашнего дня попадешь в кутузку. О'кей, все в порядке. Уходи! – Он обратился к толпе. – И вы тоже. Идите, проходите дальше. Убирайтесь!

Когда толпа рассеялась, он вошел к Джо Банко. В кафе пахло растительным маслом, пряностями и черным кофе. Мамаша Джо Банко была из немногих фигур в Френч Байу, которая не изменилась. Толстая матрона португало-американского происхождения всегда носила длинные черные платья и белые передники, спереди приколотые булавками и завязанные сзади на шее, которая была в три раза шире нормальной талии. Мамаша Джо видела драку на тротуаре через стеклянную витрину, и когда она принесла ему меню, то также захватила и чистую салфетку, которую намочила, чтобы стереть кровь с лица и рук Латура.

– Во всем виновата нефть, – проговорила она.

Она выговаривала слово «нефть» как что-то значительное. Но Латур сомневался, чтобы она придерживалась того же мнения, что и его жена.

С новым режимом хозяин кабака в восемь дней получал больше денег за свои дела, чем раньше за целый год. Джо имел верный взгляд на вещи и он предлагал многие услуги своим клиентам, а служащие у него были молоды и красивы. Латур подумал, что порок был очень заразителен! Настоящая

эпидемия!

Латур заказал стакан апельсинового вина, омлет с луком и томатом. Потягивая потихоньку свое вино, он наблюдал за публикой в кафе. Большинство коммерсантов края привыкли к острой пище и постоянно обедали у Джо.

В одном из помещений в глубине зала, слишком пьяный, чтобы побеспокоиться о том, что его могут видеть, с седыми волосами, упавшими на глаза, шериф Велич одной рукой держал стакан, из которого тянул вино, а другой щупал маленькую блондинку, такую же пьяную, как и он. А вместе с тем, у нее было не глупое лицо и она должна была понимать, на что она пошла. Он вспомнил слова доктора Уолкера: «если они достаточно взрослые, значит, у них подходящий возраст». Она просто делала свой бизнес, и ей было все равно, будет ли это шериф или кто-нибудь другой.

Латур старался не смотреть на старика. В течение тридцати пяти лет Велич был разумным шерифом, честным и плохо оплачиваемым. Его единственным развлечением было задержать время от времени слишком подвыпившего траппера или разбить морду тем, кто оказывался на его пути, или когда кто-либо принимал его старшую дочь за его жену и становился немного слишком предприимчивым. И у Велича тогда было лишь его содержание, а это было немного. Теперь, в последнее время, он оказался посредине настоящего борделя, со сверкающими огнями и полного нефти. Он стал хватать обеими руками билеты по сто долларов и не упускал никакой возможности хапать где только можно, заводил свои порядки на незаконный бизнес во Френч Байу, из которого извлекал немалую выгоду.

За другим столом в одиночестве обедал Джон Шварт. Заметив, что Латур смотрит на него, он ему ласково кивнул головой. Латур ответил ему. Как и мамаша Джо, этот богатый адвокат, который также был и плантатором, относился к редким жителям Френч Байу, которых открытие нефти не изменило. Латур незаметно рассматривал его. Шварт был тем, каким Ольга хотела видеть его, Латура. У него было состояние, которым мог обладать Латур, если бы на его землях была обнаружена нефть. Как и обычно, в этот жаркий сезон человек закона был одет в отличный белый костюм. Все, что он делал, все, что он говорил, было ясно и определенно и совершенно в рамках законности. Он никогда не был ни грубым, ни вульгарным. Он никогда не позволил бы себе плюнуть, даже если бы у него был полон рот слюны.

Адвокат закончил свой обед и подошел к столику Латура.

– Мне очень приятно видеть тебя, Энди. Ты не возражаешь, если я выпью кофе за твоим столиком? – Он вежливо ждал ответа.

– Пожалуйста, садись, – ответил ему Латур.

Шварт сел.

– Спасибо. А как поживает твоя жена?

– Ольга чувствует себя хорошо.

– Отлично. Я узнал, что ее брат… как его зовут?

– Георг. – Да, конечно. Я узнал, что ее брат Георг приехал сюда к вам.

– Это верно.

– Из Сингапура? И он проделал такой долгий путь?

– Да, он приехал из Сингапура.

– Это хорошо с его стороны.

Латур был доволен, что Шварт находит это хорошим, но для него брат Ольги был только лишним ртом, которого нужно было кормить на его жалкое жалование помощника шерифа.

Шварт медленно пил черный кофе, который ему принесла мамаша Джо.

– Я очень хотел бы познакомиться с Георгом. Приходите ко мне все трое в один из вечеров. – Шварт задумался. – Нет, лучше приходите обедать, это будет лучше. Вот что я тебе скажу, Энди. Сегодня вечером, когда ты вернешься домой спроси у своей жены, какой вечер ей больше подходит. И мы пообедаем вместе вчетвером.

– Спасибо, – сказал Латур, – я ей не забуду это передать, Джон.

Это приглашение доставило ему удовольствие. Ольга будет очень рада. Она могла проводить несколько дней в обдумывании, что она наденет на обед, а когда этот обед уже будет в прошлом, она несколько вечеров будет вспоминать об этом. Джон Шварт жил на широкую ногу, так, как надеялась жить Ольга до своего замужества. И они оба интересовались одними и теми же вопросами искусства и литературы.

Одна мысль вызвала горькую усмешку на лице Латура. Факт заключался в том, когда он в первый раз привез Ольгу во Френч Байу, он очень приревновал ее к Джону, причем совершенно безосновательно, в чем он сам скоро убедился. Никакой мужчина не мог устоять перед чарующей красотой Ольги, но Джон был слишком джентльменом, чтобы хоть лишнюю секунду задержать свой взгляд на лице Ольги или начать ухаживать за женой своего друга. К тому же, существовала еще одна причина. Причина невозможности измены со стороны Ольги. Это было ее религиозное воззрение. Ее религия запрещала развод. Знает Бог, что после того, как Ольга и Латур провели долгие часы в объятиях друг друга, об этом вообще не говорилось. Ольга, к тому же, была воспитана на Востоке, где с колыбели девушкам внушалось, что их тело после замужества принадлежит только мужу, нравится им это или нет. Короче говоря, факт заключался в том, что разлучить их могла только смерть. Совместная жизнь могла стать для Ольги невыносимой, но они были связаны навсегда. Латур до сих пор не мог сказать, должен ли он быть доволен таким положением дел или нет.

Жестом головы адвокат указал на помещение, в котором шериф Велич развлекался с девочкой.

– Не очень приятно смотреть, не правда ли?

– Да, – согласился Латур, – не очень.

Шварт авторитетно проговорил:

– Мы все же представляем из себя что-то и нам начинает надоедать жить в таком кабаке. И мы собираемся изменить все это. Как только нам удастся

достигнуть командных мест. Это займет некоторое время, но это настанет. Шварт подумал немного, потом продолжал:

– И когда мы достигнем этого, место Велича займешь, ты, Энди.

Латур сделал отрицательный жест.

– Нет, спасибо.

Из любопытства Шварт спросил:

– Ты что же, собираешься все время заниматься этим делом? Ловить мошенников? А? Может быть, ты снова хочешь заняться адвокатурой?

– Да, если смогу.

Шварт покончил со своим кофе.

– Ты добьешься этого. Ты человек, который получает то, к чему стремится. Если ты позволишь… – Он немного смутился. – В общем, будь осторожен, Энди.

– Что ты имеешь в виду?

– Только это. Я не знаю ни по какому поводу, ни почему, но идет молва, что кто-то хочет тебя спустить.

Латур вынул из своего кармана расплющенную пулю и бросил ее на скатерть.

– Совершенно верно. Сегодня вечером этот неизвестный «кто-то» попробовал два раза.

Адвокат с интересом рассматривал пулю.

– Стреляли прямо в городе?

– Нет, он стрелял в меня из зарослей сахарного тростника на частной плантации Лакосты.

– Я попробую собрать сведения, – сказал Шварт, выпуская из пальцев пулю. – Возможно, что я обнаружу что-нибудь. – Он слегка улыбнулся. – Как тебе известно, когда адвокат практикует столько времени, как я, у него появляются разные источники информации, которыми официальные следователи не располагают.

– Я знаю, – ответил Латур. – И спасибо. Большое спасибо, Джон, что ты занимаешься мной.

Латур посмотрел вслед адвокату, когда тот выходил из ресторана, потом закончил свой обед с большим аппетитом, чем начал. Было так отрадно думать, что ты не одинок, что существуют еще люди, подобные Джону Шварту, в Френч Байу.

Покончив с едой и выпив второй стакан вина, Латур вышел на улицу Лафит, не слишком торопясь попасть домой.

Его ответ Шварту был искренним. Он не хотел занимать места шерифа. Он принял должность помощника шерифа лишь только из экономических соображений, чтобы заткнуть дырку в бюджете. Если бы он смог, он надеялся, будучи записанным в адвокатское сословие, открыть частную контору. Латур закурил сигарету и глубоко затянулся. Затруднение заключалось еще в том, что для того, чтобы получить диплом, даже учитывая послабления для демобилизованных студентов, Ольга и он были вынуждены жить еще более стесненно, тратя половину того, что тратили теперь. Им пришлось бы считать каждый пенс.

Латур направился в сторону нового порта и остановился, услышав знакомый голос.

Джек Лакоста вернулся во Френч Байу. Его окрашенный в яркие цвета пикап стоял перед баром «Тарпон», а старый ярмарочный пройдоха и шарлатан постепенно собирал вокруг себя группу уличных зевак.

Латур пожалел, что не знал о возвращении Джека. Заросли тростника, из которых в него стреляли, находились на территории Джека Лакосты. И Джек обычно ставил свой «пикап», который, как правило, тащил прицеп, на лужайке перед домом. Было возможно, даже очень возможно, если в этот момент он не был слишком пьян, что Джек Лакоста видел человека или, во всяком случае, машину того, кто дважды стрелял из карабина в Латура.

Помощник шерифа подошел к фургону. Во время своих последних странствий, Лакоста подцепил девушку, новую девушку для выступлений. Ей было максимум семнадцать-восемнадцать лет. Она была рыженькая и очаровательная. Чтобы привлечь еще больше народа к своему фургону, старый человек нарядил ее в платье в виде кринолина с узкой талией и таким большим вырезом, что была видна половина груди. У девицы было что показать. В тот момент, когда Латур поднял на нее взгляд, она стала играть на банджо и петь, чтобы помочь Лакосту привлечь побольше клиентов. Латур надеялся, что малышка знала, на что она пошла. Лакоста когда-то был красивым парнем. У него всегда был золотой голос и хорошо подвешенный язык, но в последнее время, особенно после того, как он стал стареть, у старого мошенника стало обычаем жестоко обращаться со своими женщинами. Одно было совершенно очевидно: как только Лакосте удавалось получить несколько долларов, которые не были необходимы на еду или на бензин, он немедленно напивался.

Латур посмотрел на лицо мужчины, стоявшего на платформе прицепа «пикап».

В настоящее время он был до такой степени пьян, что с трудом держался на ногах, но тем не менее, это был необычный человек. Удовлетворенный количеством окружавшей его толпы, Лакоста сделал знак девушке, чтобы она перестала играть и петь и начал говорить.

Латуру было забавно его послушать. Старый человек опустился еще на одну ступеньку общественной лестницы. Он уже не стеснялся ни в выражениях, ни того, чем торговал. Лакоста продавал панацею от определенного недуга, возвращающую старикам юность и потерянное время. И молодым людям это давало возможность жечь свечу с обоих концов. Это был идеальный товар для Френч Байу, потерянная молодость по доллару за флакон.

Глава 3

Латур терпеливо ожидал окончания речи Лакосты в надежде поговорить с ним. Но на половине своей прекрасной речи, не успев даже начать продажу, колени старого шарлатана подогнулись под ним, и не выпуская из сжатых рук своей продукции, он повалился на импровизированную платформу.

Рыжая девица безуспешно старалась поднять его и даже приподнять. Кто-то из толпы позвал доктора. Его сосед стал смеяться.

– Ему только не доставало доктора! Старик болен. Все, что ему надо, это отправиться домой и выспаться!

Латур протолкался сквозь толпу и влез на платформу.

– Подождите, я это сделаю, – сказал он, обращаясь к толпе.

Девушка с беспокойством посмотрела на него.

– Кто вы?

– Меня зовут Латур. Я помощник шерифа.

– Вы хотите задержать его?

Латур задумался. Задержать Джека Лакоста за невоздержанность в городе, наполненном пьяницами, было также нелепо, как подложить фальшивую грудь Джине Лолобриджиде. Или этой малышке.

После ночи в тюрьме старый мошенник заплатит свои восемь долларов штрафа и снова отправится напиваться. Латур лишь хотел поговорить с Лакостой, если тому удастся хоть немного протрезветь.

– Нет, – ответил он. – Все, что я хочу, это вытащить его отсюда. Я дотащу его до сидения машины и вы сможете устроить его там.

– Спасибо, – просто проговорила малышка. – У нас не было бы возможности заплатить штраф.

Латур потряс обеспамятевшего человека и хлопнул его по щекам. Это не произвело никакого впечатления и положение осталось прежним. Латур удвоил усилия и взял Лакоста под руки. Старый шарлатан немного пришел в себя, достаточно, чтобы понять, что он находится в руках полицейского. Он сразу же превратился в орущего пьяницу.

– Уберите свои грязные руки, полицейское отродье! – закричал он. Затем обратился к присутствующим. – Ну, не стойте так и не дерите горло! – Потом он перестал сопротивляться и стал жаловаться на свою горькую долю. – Не давайте задерживать меня! Вы знаете, почему он хочет бросить меня в яму? Для того, чтобы забрать у меня мою женщину!

Маленькая рыжеволосая женщина стояла неподвижно, потом стала умолять Латура:

– Я прошу вас, не слушайте его.

И, обратившись к Лакосте, она сухо проговорила:

– Закройся, старый дурак, пьяница. Агент просто хочет тебе помочь.

Лакоста указательным пальцем ткнул в молодую женщину:

– Ты так думаешь? – Он уже забыл о том, что просил помощи у зрителей. – А вы, все тут, кто вы такие? Что вы делаете? Что вы думаете, что я болван? Я отлично вижу, как вы тут толкались около платформы, чтобы взглянуть ей под юбку. Потому что она молода и красива, и хорошо сложена, и замужем за старым... и вы все хотите ее...

Пьяные слезы потекли по его щекам.

– И как я прекрасно вижу, она позволила вам делать это. Шлюха. Вот такие все женщины. Ничего, кроме шлюх!

Латур потерял терпение, стащил пьяницу на землю и усадил его на сидение впереди «пикапа». Потом он обернулся и увидел, что рыжая красотка горько плачет.

– Все в порядке, слезы ничего не меняют, – сказал он ей. – Садитесь за руль и увезите его поскорей, иначе я заберу его в кутузку.

Девушка села за руль «пикапа», включила мотор и дала задний ход, вследствие чего с пронзительным скрежетом металла разбила фары сзади стоявшей машины. Все это еще больше развеселило толпу. Потом, не переставая плакать, она включила скорость и дернулась вперед, ударив в бампер машину, стоявшую впереди.

Латур сдвинул свою белую шляпу на затылок и подумал, почему это все несчастия валятся на его голову. Было совершенно очевидно, что эта девушка была не в состоянии вести машину. Если ей удастся свезти машину с тротуара, то все равно не проедет она и ста метров, как произойдет какое-нибудь столкновение... Он просунул руку через открытое окно дверцы и выключил зажигание.

– Ладно, – сказал он. – Прошу вас, подождите минутку. Я найду свою машину и провожу вас обоих.

Один из зрителей закричал ему:

– Позабавься хорошенько, Энди!

Латур открыл рот, чтобы возразить, но не сказал ничего. То, что он делал, в какой-то степени относилось к его работе. Для рыженькой девочки он не представляя никакого интереса. И, видит бог, могла ли она интересовать его! У него и без этого было достаточно неприятностей!

Давно взошедшая луна начала закатываться. Тот небольшой ветерок, который подул, совершенно замер. По дороге, по краям которой была стоячая вода и заросли тростника, было душно, тяжело и сыро. Латур ехал быстрее обычного. Его мало беспокоило то, что могло случиться с Лакостой, который мирно похрапывал на заднем сидении. Возможно, тряска по дороге поможет ему немного протрезветь, чтобы быть в состоянии немного поговорить, когда он

вернется к себе домой.

– Как вас зовут? – спросил Латур у малышки.

Все еще плача, она ответила:

– Рита.

– Вы замужем за Лакостой?

– Я не горжусь этим.

– Я спросил вас не об этом.

– Да. Четыре месяца назад мы поженились в Пончатуло.

– Почему?

– Этот вопрос я задаю себе каждый день.

– Сколько вам лет?

– В прошлом месяце мне исполнилось семнадцать лет.

Латур уже перестал сердиться и ему было жаль малышку. Молодая, красивая, хорошо сложена, она могла сделать лучшую партию, чем выйти за этого старого бурдюка с вином – Лакосту.

Как будто догадываясь о его мыслях, она сказала:

– Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой. И я была служанкой в обжорке и хлебнула там достаточно. – Она пожала своими голыми плечами. – В то время он путешествовал с королевским цирком Роберта, и он обещал мне, что я тоже буду выступать.

– Да, понимаю. А когда вы оба приехали на Френч Байу? – Сразу же после полудня. Думаю, что около часу дня. – Его машина стоит там же, где обычно стояла до сих пор?

– Этого я не знаю. Это на маленькой лужайке перед старым домом, по этой дороге.

– Это как раз то направление, – сказал Латур, проезжая мимо большого эвкалипта, – когда стреляли из зарослей тростника. А что, вы и Джек находились дома в начале вечера, скажем в семь с половиной часов?

Девушка немного подумала.

– Это было, примерно, время ужина.

– Мы выехали сюда только ночью.

– А вы случайно не слышали двух выстрелов?

– Да, я их слышала. И сразу же после этого двое мужчин проехали в машине по направлению к Френч Байу.

– А вы их не видели?

– Не особенно ясно. Но мне кажется, что один из них был черным. Но почему вы спрашиваете?

Латур пропустил мимо ушей этот вопрос.

– А вы не видели и не слышали другую машину, или кого-нибудь идущего вскоре после выстрелов?

Рита вытерла последние слезы подолом юбки.

– Нет, я никого не видела.

– А Джек был вместе с вами тогда, когда раздались эти выстрелы?

– Нет. Он был на лужайке. Он возился с карбюратором машины. – Рита сделала жест руками. – Это просто удивительно, что машина еще ходит. Я думаю, что она так же стара, как и он сам.

Латур предложил ей сигарету и воспользовался зажигалкой от доски с приборами.

– Теперь скажите мне, когда вернулся домой Джек, он не говорил о выстрелах или о ком-нибудь, кого он видел?

Девушка затянулась и тихонько свистнула:

– Послушайте, мистер, к чему ведут все эти вопросы? Что, Джек, сделал что-нибудь плохое сегодня днем?

Латур честно ответил:

– О, нет! Я этого не думаю. Я спрашиваю только потому, что вы и он были тут, когда раздались выстрелы. Я надеялся, что он сможет мне кое-что объяснить, то, что мне необходимо выяснить.

– Понимаю, – сказала Рита. – Нет, Джек ни о чем мне не говорил, но я слышала, или мне показалось, что я слышу, что он как бы разговаривает с кем-то. – Оборот, который принял их разговор, пробудил в ней воспоминания. – Я только ошиблась, когда сказала, что не слышала никакой другой машины. Я услышала одну. Теперь я вспоминаю. Это было приблизительно пять минут спустя после выстрелов.

– Спасибо, – сказал Латур, – большое спасибо.

Темный домишко Лакосты находился в сотне метров от дороги, под большой магнолией. Латур повернул по узкой дорожке и остановился насколько было можно поближе к дому.

– Я помогу вам внести его в дом.

Девушка потеряла все свои иллюзии, которые у нее были, пока она считала Лакосту способным создать ей определенный уют и положение в обществе. Все исчезло после первого взгляда на дом. Теперь она казалась совершенно безразличной.

– Если вы хотите, чтобы он вернулся в дом, надо помочь ему. Я бы оставила его там, где он есть. – Она открыла дверцу машины. – Подождите, я зажгу лампу.

Латур остался там, сражаясь с москитами, пока желтый свет керосиновой лампы старого фасона не осветил металлическую кровлю, окна и вход в домик. Потом он подобрал инертное тело Лакосты и понес его внутрь помещения в то время, как Рита держала дверь.

Девушка извинялась за плохое освещение.

– У нас есть еще одна угольная лампа, но Джек ее разбил в первую неделю после свадьбы. – Она головой указала направление вглубь домика. – Он спит вон там.

Латур понес старого мошенника в маленькую комнату в конце домика и бросил его на большую кровать. Старик продолжал храпеть. Его, безусловно, нельзя было расспрашивать до завтрашнего утра.

Латур расстегнул ему рубашку, снял с него ботинки и пиджак. Когда он вернулся в другую половину домика в комнату, служащую гостиной, Рита из ведра наливала воду в кофеварку. Ей было очень трудно поворачиваться в этой комнате в своем кринолине.

– Если вы благосклонно примите мое приглашение, – сказала она, – и если у вас есть время, я буду рада, если вы останетесь и выпьете чашку кофе. Это самое меньшее, что могу вам предложить за то, что вы сделали для меня.

У нее был очень приятный вид. Латур не захотел обидеть ее.

– Спасибо, – сказал он. – Чашечка кофе доставит мне удовольствие.

Риту очень смущал ее кринолин.

– Вот эта штука просто невозможна! Я не понимаю, как это женщины могли выносить такое!

Латур снял свою большую шляпу и сел на табуретку около маленького столика, который, вероятно, сколотил сам Лакоста.

– Я тоже часто задавал себе вопрос об этом, – ответил он.

У Риты теперь были зеленые глаза, отливающие серым. На этот раз, когда у него было больше времени, Латур лучше разглядел ее и увидел, что ее носик покрыт веснушками. Она была молода и даже моложе того возраста, за который выдавала себя, и она не была тем, о чем думал Лакоста в своих пьяных рассуждениях, она не была шлюхой. Она спросила его:

– Френч Байу совсем свободный город, не правда ли?

– Свобода – это не то слово.

Рита зажгла горелку под кофеваркой.

– Вы думаете, что женщина сможет здесь найти работу? Работу служанки или может быть, продавщицы?

– Я уверен в этом.

– Тогда, если вы не возражаете, я хотела бы поговорить с вами. – Она провела пальцами по своей рыжей шевелюре и пальцы ее стали совсем потными. – Да, мне хотелось поговорить с вами. – Вытащив из комода ящик, она вынула оттуда шорты и лифчик. – Совершенно очевидно, что с Лакоста я ничего здесь не достигну, а в настоящий момент, я надеюсь, вы меня простите, если я покину вас и переоденусь во что-нибудь не такое жаркое.

Что она собиралась сделать, мало интересовало Латура. Он обмахивался своей шляпой.

– Пожалуйста, ведь вы у себя дома.

Не без усилий, Рита прошла со своим кринолином в другую комнату.

– Я нахожусь у него. Но с этим покончено. Я достаточно насмотрелась на него и не хочу больше иметь ничего общего с Лакостой.

Она старательно закрыла за собой дверь в маленькую комнату.

Латур продолжал обмахиваться. При свете желтой керосиновой лампы снова вернулось ощущение нереальности. Жужжание насекомых, бьющихся об окна, смешивалось с шумом работы насосов на промыслах и это раздражало его.

Неожиданно раздался довольно ощутимый толчок. Нефтяная компания, разрабатывающая недра поблизости, приступала к бурению новой мощной скважины, а это отразилось на пласте земли, на котором стоял домишко. Почва слегка заколебалась и от этого толчка дверь в маленькую комнату бесшумно отворилась.

Движение руки Латура, обмахивающегося шляпой, замедлилось.

Уверенная в том, что дверь закрыта, Рита продолжала раздеваться.

В тот момент, когда Латур посмотрел на нее, она уже успела снять через голову свой кринолин и лифчик, и теперь снимала штанишки. У нее было обольстительное тело. Маленькие крепкие груди оканчивались коралловыми кончиками, живот плавно переходил в бедра. Длинные загорелые ноги заканчивались тонкими щиколотками. Латур подумал о том, что на свете нет ничего прекраснее тела хорошо сложенной женщины, особенно если к тому же она и молода. Это был примитивный инстинкт, и Латур не мог не подчиниться ему. Он глубоко вдохнул в себя воздух.

Услышав этот звук, рыжая девушка обернулась и увидела, что дверь открыта. Одно мгновение она оставалась неподвижной, с глазами, устремленными на него, освещенная желтым светом керосиновой лампы, потом протянула руку и закрыла дверь. Когда она снова открыла ее, на ней были надеты шорты и белый лифчик, но воспоминание в нем было очень свежо.

– Со мной случаются все несчастья, – проговорила она. Сознание того, что Латур видел ее совсем голой и что, если не считать ее мертвецки пьяного мужа, она была одна с ним в ночи, настроило ее на оборонительный лад.

– Поверьте мне, – добавила она, – я это сделала не нарочно.

Латур снова стал обмахиваться.

– Ну, безусловно, я верю вам, – сказал он.

Малютка, казалось, хотела убедить и саму себя.

– Когда я предложила вам остаться, чтобы выпить чашечку кофе, я действительно думала только о кофе.

Латур положил свою шляпу на стул и закурил сигарету.

– Разве я вам навязывал свою персону?

– Нет, – призналась Рита. – Я только хотела сказать вам, что то, что Джек только что говорил вам на улице, не соответствует истине. Я не сплю со всеми парнями, которые строят мне глазки. – Она налила две чашки кофе и поставила их на низенький столик, что стоял перед Латуром. Потом поставила сахар и консервированное молоко. – Я не хочу сказать, что я ангел. Я далека от этого. Но все так ужасно безнадежно, что если я еще некоторое время буду думать об этом, то сделаюсь сумасшедшей.

– Вы имеете в виду ваше замужество с Лакостой.

Ей было совсем некуда сесть и она примостилась на табуретке около Латура.

– Ну, о чем же я могу говорить! Вы даже не можете себе представить, что это такое! К тому же, вы мужчина.

– А почему же вы не покинете его?

Рита положила сахар в свое кофе.

– Я это и собираюсь сделать. Вот почему я вас и спросила, есть ли возможность устроиться на работу во Френч Байу. Если бы дело касалось только денег. У меня их было достаточно в Пончатуло. Вы были бы удивлены, если бы знали, сколько мужчин там хотели играть со мной в папу и маму. Знаете, плантаторы, шоферы такси и даже коммерсанты края, которые околачивались в кабаке, в котором я служила подавальщицей.

Латур пил свой кофе. Он был крепкий и горячий, и сильно пах цикорием.

Впечатление от обнаженной прекрасной женщины было сильнее, чем он ожидал сам. И теперь, сидя рядом с ней так близко, что его бедро касалось ее обнаженной ляжки, ему было трудно сохранить свой хладнокровный нрав.

– Нет, это меня совсем не удивляет, – сказал он. – Вы очень красивы и у вас совершенно чудесное тело.

– Спасибо, – просто проговорила она. – А вы женаты?

– Более двух лет.

– На девушке из этого края?

Латур задумался: было трудно подвести Ольгу под эту категорию.

– Нет. Она, я думаю, то, что можно назвать белой русской. Ее предки эмигрировали, и она и ее родители родились в Японии.

Это, казалось, заинтересовало Риту.

– А как вы с ней познакомились?

Латура смущало говорить об Ольге с другой женщиной, к тому же незнакомой или почти незнакомой.

– Это произошло после войны в Корее. Она работала в британском посольстве в Сингапуре. А я был капитаном С.Д.Д.

– А что это значит?

– Это служба армейской разведки.

– А-а! – протянула Рита.

Она замолчала.

Латур бросил на нее быстрый взгляд. Девушка была молода и она была одна. Ей нужен был мужчина. Это угадывалось в ее глазах, в ее жестах, по тому, как она меняла положение своих ног, как ерзала на своем табурете. Несмотря на все свои заверения, она бы принадлежала ему, если бы он захотел. Она сказала бы «нет» и «я вас прошу» два или три раза, но это была бы только проформа.

Латур испытывал искушение. Было бы очень приятно, хоть один раз, иметь женщину, которая предлагала себя не из милости, а которая жаждала его так же, как и он ее. Без лишних сантиментов и громких фраз. Вместе с тем, связь, даже приключение одного вечера с малышкой семнадцати лет, утомленной невозможным браком, только усложнит дело. Могло произойти столько событий! А жизнь Латура и так была усложнена до крайности.

Он взял свою большую шляпу со стула, на который ее ранее положил, и встал.

Откровенно огорченная Рита встала одновременно с ним.

– Что это с вами сделалось?

– Будет лучше, если я уйду.

Зажмурив с недовольным видом глаза, девушка проводила его до той металлической двери, которой закрывался вход в домишко.

– Это ваше дело. Вы ведь блюститель порядка. Но я еще увижу вас?

– Утром. Мне необходимо будет поговорить с Джеком.

– По поводу тех выстрелов из ружья, которые я слышала?

– Точно.

– Это стреляли в вас?

– Да.

– Кто это был?

– Я надеюсь, что Джек знает это.

– Я буду здесь, – с горечью проговорила она. У нее был вид, как будто она пришла к определенному решению. – Хорошо, идите, – продолжала она. – Значит, я ничего не стоящая девушка. Но вы… вы – настоящий мужчина, Латур. Я вас очень люблю, и даже могла бы любить еще больше. Кстати, вот вам кое-что, что заставит вас немного подумать до того времени, пока мы снова не увидимся.

– Что же это?

– Вы помните, что говорил Джек совсем недавно в городе? В одном он прав.

– В чем?

– Он стар, а я молода. – У Риты появилась гримаса брезгливости. – Ну… и что ж! Представьте себе, что молодость, которую он продает в бутылках, на самом деле не стоит и ржавого гвоздя. Не стоит даже и пробовать. Все ночи он старается до такой степени, что я боюсь, что сойду с ума.

– Другими словами, он неспособен?

– Да, это как раз то, что есть на самом деле.

Латур схватил за обнаженные плечи молодую женщину. Это было напрасно. Влажная кожа притягивала его, как магнит.

– Вы понимаете, о чем вы говорите?

Рита прямо посмотрела на него.

– Да, я понимаю.

Латур выпустил плечи Риты. Он знал, что произошло бы, если бы он этого не сделал. До них доносилось храпение Джека.

– Понятно, – глухим голосом проговорил он. – Понятно. Мы снова поговорим об этом завтра.

– Я буду здесь, – снова проговорила Рита.

Латур должен был сделать над собой усилие, чтобы открыть металлическую дверь и пройти те несколько метров, которые отделяли его от машины. Рита осталась стоять на пороге, слабо освещенная светом, идущим из домика. Она казалась совсем маленькой, совсем одинокой и очень желанной среди темного пространства ночи.

Латур очень сожалел, что не вернулся прямо домой, покинув тюрьму. Он пожалел, что пошел обедать к Джо. Он жалел, что поехал по улице Лафит.

Глава 4

В кабинете шерифа горел свет, но комната была пуста. Фляга с конфискованным Латуром алкоголем, как вещественным доказательством, исчезла. Он прошел по коридору, чтобы достичь камер.

Проститутка, слишком молодая для того, чтобы уметь вовремя подмазать лапу, крикнула ему что-то непристойное из отделения для женщин, в глубине. Латур

не обманулся относительно Виллера. Рыбак еще после того не раз дрался и на этот раз его кто-то здорово отделал. Он лежал на спине на цементном полу в отделении для белых. Его лицо и рубашка были покрыты кровью. С другой стороны, в отделении для черных, по разным причинам находились четверо негров. Что касается Хенни, то его там не было.

Мне нужно было взять предложенные им деньги, – подумал Латур. – Сто долларов здорово бы выручили меня.

Когда он вернулся в кабинет шерифа, около него находился Джек Пренгл.

– Что произошло с Хенни? – спросил у него Латур.

Помощник шерифа посмотрел в отчеты.

– Похоже на то, что он заплатил за поручительство.

– Кто дежурил?

Пренгл посмотрел на расписание.

– Том. И я. Но я вынужден был пойти к Эми подбирать одного прохвоста, который нашумел там.

– Рыбак, который там лежит?

– Да, парень весь в крови.

– Мне кажется, что немного перевязать его было бы не лишней роскошью.

Пренгл затянул свой пояс.

– Я пытался воздействовать на доктора Уолкера. Я этим сейчас и занимался.

– У меня были с ним неприятности в начале вечера.

– Ты вынужден был обменяться тумаками, да? – Пренгл улыбнулся.

– Но это – не я.

– Я нашел его таким у Эми. Насколько я понял, он стал немного слишком нежным и укусил одну из тамошних курочек, и ты бы удивился, если бы знал, в какое место. Тогда она подергала у него перья и стала дубасить его каблуком-гвоздиком, высотой в десять сантиметров. – Ночной помощник шерифа смотрел в окно из кабинета. – А ты веселился, а, Энди?

– Да-а, – с горечью протянул Латур, – веселился.

– И все это за двести восемьдесят долларов в месяц!

Латур подумал, зачем к дьяволу, Пренгл думал обмануть кого-то этим заявлением. Он был одним из тех, кто богатели так же, как и Том Мулен и Старик. Они не нуждались в нефтяных разработках. У них повсюду были их маленькие золотые шахты – в течение каждой недели, во всех барах, в кабаках и борделях, остающихся открытыми после положенного часа. Не говоря уж о питании за красивые глазки и о всех курочках, которые услаждали их. День был очень длинным, и Латур очень устал. Ему было пора домой. Он надел шляпу.

– Ладно. Думаю, что больше ничего не случится сегодня.

Голос Пренгла остановил его на пороге двери.

– Итак, какой ты ее нашел?

Латур обернулся, чтобы посмотреть на него.

– Кого это?

Пренгл улыбнулся.

– О, слушай, Энди, не заворачивай и не скрытничай. Весь город говорит об этом.

Латур понял, о чем хотел сказать Пренгл.

– Ты хочешь сказать, что я проводил Джека Лакосту?

– Да. И Лакосту, который напивается потому, что не может удовлетворить свою жену. В таком возрасте мужчина должен быть сумасшедшим для того, чтобы жениться. Парни говорили мне, что она очаровательна.

– Верно.

– Рыжая?

– Рыжая.

– Хорошо сбалансирована?

– Хорошо сбалансирована.

– И молодая?

– Она говорит, что ей семнадцать лет.

Пренгл свистнул.

– Вот кому здорово везет! У тебя, вероятно, веселая жизнь! В то время, как я, когда мне хочется поразвлечься, я должен удовольствоваться профессиональной шлюхой. А у этих девиц ты никогда не знаешь, сколько километров на счетчике.

– Возможно, – согласился Латур. – Это очень возможно.

До оазиса темноты, по которому шел Латур, донесся из одной из ночных коробок, вопль кларнета, более похожий на стон, чем на музыкальный звук, на стон насилуемой женщины. Латуру вдруг надоел этот город. Он задал себе вопрос, зачем он вернулся сюда. Он жалел, что привез сюда, во Френч Байу, Ольгу, что не остался в армии. Он, безусловно, не сделал бы этого, если бы знал,

что две пробные скважины на его земле ничего не обнаружили.

Было бесполезно говорить Пренглу, что он не оставался с Ритой. Он просто тогда пожал плечами и пожелал доброй ночи, спустился по ступенькам и углубился в темноту.

Кобура с тяжелым револьвером ударила его по бедру. Первый выстрел по нему был сделан именно здесь. Однажды вечером, после того, как он отдежурил свое время от четырех часов до полуночи, он переходил через парк к своей машине, и в него выстрелили сзади из-за кустов. Благодаря инстинкту, выработанному еще в армии, он бросился плашмя на землю, доставая свой револьвер. Когда он поднялся с земли, таинственный стрелок уже исчез. Он, вероятно, смешался с толпой на улице Лафит. Последующее покушение было не менее драматичным. Четыре шашечки с динамитом были положены и прикреплены к проводам зажигания, но так неудачно и неумело, что они не взорвались, когда он нажал на акселератор. И, наконец, последовали выстрелы из зарослей сахарного тростника. И все это – за четырнадцать дней. Видимо, этот убийца-стрелок очень торопился.

Латур выехал из города и сделал небольшой объезд по берегу. Свет и музыка постепенно замирали вдали. Вскоре он слышал крики сов и шум от работы насосов, выкачивающих черное золото из земли почти всех поместий, кроме его. Латуру было интересно узнать, хороший ли стрелок Георг. Несмотря на все свое фанфаронство и спесь, брат Ольги был лишь лейтенантом в иностранном легионе, пока не решил, что гораздо спокойнее жить за счет своего «богатого» зятя. Георг мог действительно быть легионером, там было немало белых русских. Георг был еще более, чем его сестра, обозлен, когда узнал, что его сестра вышла замуж не за богатого человека, и ничего, кроме смерти мужа, по заветам их религии, не могло позволить Ольге снова выйти замуж. Как только Латур умрет, Ольга сможет снова продать свою красоту. И у легионеров была слава хороших стрелков. Они попадали с лета в муху. Неудачи прежних попыток можно было объяснить темнотой.

Латур подумал о Томе Мулене и о шерифе Величе. Отказываясь от взяток, Латур становился им поперек дороги и служил укором их совести. Но оба мужчины, пьяные или трезвые, были исключительными стрелками. И Латур не думал, чтобы кто-нибудь из них замышлял убить его. Том Мулен даже советовал действовать ему «полегче». Все, что старый шериф и Том Мулен хотели, это не обращать внимания на Френч Байу, Луизиану или вообще Соединенные Штаты.

Как только их город станет достоянием прессы, для них все будет кончено: куры перестанут нести золотые яйца, и они сильно рисковали провести остаток своих дней в местах для них не очень приятных. Латур был очень смущен.

Отъехав на шесть километров от Френч Байу, он свернул на дорогу, обрамленную деревьями и ведущую к берегу и к старому строению из белых кирпичей и известняка, которое принадлежало его семье в течение более полутораста лет. Там, по крайней мере, было тихо и темно. Воздух был напоен запахом жасмина и жимолости, которая вилась по источенным временем колоннам, поддерживающим веранду. Здесь находился знакомый ему Френч Байу, который он любил, и фамильный дом, который он так мечтал реставрировать после войны.

Латур подошел к одной из открытых ставень и посмотрел во внутрь помещения. Со светлыми волосами, зачесанными назад и собранными в узел на затылке, одетая в простое белое платье, которое четко обрисовывало контуры ее тела, Ольга смотрела телевизор. Дорогой агрегат, теле-радио-магнитофон, был не по средствам Латуру, но, тем не менее, он купил его, так как ему было стыдно предложить своей жене что-нибудь дешевое.

С Ольги его взгляд перешел на ее брата, и сразу же Латур закипел негодованием, что всегда с ним делалось, когда он смотрел на Георга.

Если все аристократические семьи русской знати были похожи своим эгоизмом и спесью на Георга, ничего не было уже удивительного в том, что большевики прогнали их из своей страны. Основные таланты Георга, если они вообще у него были, заключались в том, чтобы устроиться на дармовом питании и виски, живя на европейский манер с упорным нежеланием работать, и пользоваться положением брата жены. И это, по-видимому, навсегда. Помощник шерифа вошел в гостиную, и Ольга сразу же встала.

– О! Ты вернулся!

Латур положил свою шляпу на стол.

– Да, как будто.

– Тише, прошу вас, – прошипел Георг. – Сейчас самый интересный момент в спектакле.

Латур хотел одернуть его, но воздержался. Каждый раз, когда он открывал рот, он только еще больше раздражался. Было непостижимо, каким образом Ольга и Георг при помощи одного слова или жеста достигали чего-то такого, что он начинал чувствовать себя слугой в своем собственном доме. Ольга не обратила никакого внимания на своего брата.

– Ты, вероятно, голоден. Я держу твой обед в горячем состоянии.

– Спасибо, – сухо проговорил Латур, – я пообедал в городе, в ресторане.

Он зашел в курительную, обшитую панелями, чтобы выпить последний стакан вина перед тем как лечь спать, но Георг уже до него воспользовался бутылкой. Там оставалось едва ли с палец толщиной виски, тогда как утром, когда он отправлялся на работу, она была почти полна.

Весьма возможно, что Георг сделал это нарочно.

Латур снял с полки свой карабин. Он был тщательно вычищен и смазан, и было совершенно невозможно сказать, когда им пользовались. Он положил оружие на место и пришел в комнату, которую занимали они с Ольгой. Здесь было так же жарко, как и в домишке Лакосты.

Латур вынул револьвер из кобуры и положил его на ночной столик, рядом со своим местом на большой старомодной кровати. Потом он расстегнул пояс, разделся, принял душ и бросился на кровать, не удосужившись надеть пижаму. Он безуспешно пытался заснуть. Он так и лежал, устремив взгляд в потолок, когда Ольга вошла в комнату. Она говорила с легким акцентом, как раз с таким, который ее делал еще более соблазнительной.

– А я знала, что ты уже лег спать. У тебя был тяжелый день?

Латур пожал плечами.

– Так себе. А как у тебя?

Ольга сняла через голову свое платье.

– Такой же, как всегда. Я оставалась дома.

Она сняла белье и села перед зеркалом, чтобы вынуть шпильки и расчесать волосы на ночь.

Это был второй стриптиз, на который Латур любовался в течение одного часа. Глядя на свою жену, он удивлялся, как он мог находить Риту желанной, и как той удалось это сделать. Это походило на то, как если бы кто-то пришел в восторг при виде полевого цветка, когда на расстоянии протянутой руки от него находилась орхидея.

Притворщица! Моя прекрасная притворщица! – подумал Латур. Задумавшись, он понял, что даже в первые месяцы их замужества Ольга не испытывала к нему никаких эмоций. Чувство, которое она симулировала, так же, как и ее роскошное тело, просто составляли часть торга, который она заключала, когда думала, что выходит замуж за богатого человека. Долгие годы ее семья была без денег, и Ольга честно в том призналась, а так же в том, что была воспитана в мысли о богатом замужестве, которое позволит позолотить прежний блеск ее семьи.

Когда она узнала, что оказалась обманутой, когда она узнала, что ее американский капитан, член аристократической семьи Юга, был обыкновенным типом, парнем, который ухватился за первое же предложенное ему место, ее чувство иссякло и ее сердце стало таким же сухим, как и те две скважины, на которые они возлагали свои надежды на богатство.

Латур рассматривал тело своей жены. Оно было прекрасно, просто не верилось глазам. Красиво, начиная от светлых волос до розовых пяток. Ольга была достойна богатого мужа. И вместе с тем, он ведь не солгал ей. На его территории бурили пробные скважины и у него были все основания считать себя богатым. И только месяц спустя после их возвращения во Френч Байу Джон Шварт принес плохое известие. Латур дал ему доверенность на ведение его дел, когда его мобилизовали в армию. Адвокат был еще более огорчен, чем он сам.

– Я очень сожалею, Энди, правда, я очень сожалею, – сказал он. – Но по словам экспертов и геологов, с которыми я советовался, такие вещи случаются. Они перестали бурить. Теперь, когда вокруг обнаружена нефть, похоже на то, что

твои земли находятся на месте иссушенном и бесплодном.

Вопрос был исчерпан. Две недели спустя Латур должен был удовольствоваться должностью помощника шерифа на двести восемьдесят долларов в месяц, и они с Ольгой должны были удовлетворяться простыми кушаниями вместо куропаток, о которых мечтали.

Ольга завязала свои волосы наподобие конского хвоста, надела прозрачную ночную рубашку и подошла к кровати. Револьвер, лежавший около него, удивил ее.

– Почему ты положил его сюда? – спросила она его.

Латур закрылся простыней.

– Сегодня меня пытались убить. – Он мог поклясться, что в глазах его жены промелькнуло беспокойство, но он подумал, что ошибся.

– О! – спокойно проговорила Ольга. – Тогда мне понятно.

Латур стал ожидать сцену, которая должна была последовать в той грустной комедии, которую они играли каждый вечер. Ольга может быть и презирала его, потому что считала себя обманутой, но она была воспитана в стране, где первой обязанностью женщины было нравиться своему мужу, и даже если это было для нее ужасным, ее тело все же принадлежало ее мужу и должно было служить удовлетворению его желаний. Держа руку на выключателе лампы на ночном столике, с отчетливо просвечивающим контуром тела сквозь прозрачную рубашку, она с непроницаемым видом смотрела на него.

– Мой муж желает что-нибудь прежде, чем заснуть?

Латур испытывал искушение броситься на нее и повалить, только для того, чтобы посмотреть на ее лицо, как оно окаменеет, почувствовать ее тело, пассивное и покорное, все время говоря себе, что она в ужасе от него, что губит свою красоту, стоящую миллион долларов, в объятиях помощника шерифа, получающего в месяц двести восемьдесят долларов.

– Нет, – сухо ответил Латур. – Ничего.

Ольга пожала плечами, погасила свет и легла.

Латуру совершенно не хотелось спать. Желание жгло, сводило с ума. Сперва эта маленькая рыжая, теперь Ольга. Он думал о том, сколько мужчина может вытерпеть, прежде чем совсем опустит педали. И ко всему этому, этот отдаленный шум от насосов, выкачивающий поток нефти, двадцать четыре часа в сутки, толстые пачки денег в карманы всех, кроме него.

Он вспомнил о своей встрече с представителями закона.

– Да, кстати, я встретил Джона Шварта сегодня вечером. Там, где я обедал.

– Да? – тихим голосом проговорила Ольга из темноты.

– Он хочет познакомиться с Георгом. Он пригласил нас троих к обеду в один из вечеров на следующей неделе. Просил узнать, какой день тебя устраивает, и сказать ему об этом завтра.

Ольга долго думала, потом решила, что лучше всего будет собраться во вторник, и Латуру было интересно узнать, почему это вторник, ведь они никуда не собирались идти ни в понедельник, ни в среду, четверг, пятницу или субботу.

– Хорошо, пусть будет вторник, – ответил он. – Я увижу Джона завтра.

– Скажи ему, что это доставит нам большое удовольствие.

– Хорошо.

Латур повернулся и хотел заснуть, но было бесполезно пытаться это сделать. Его желание и так было сильным, но присутствие Ольги, готовой отдаться ему по первому его желанию, еще больше разжигало его. Ему надо было сделать только один жест, но он ни за что на свете не сделал бы этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kin_dey/v-chelovecheskih-dzhunglyah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити